

Московские учреждения в 1812 г.

Историография вопроса о событиях в Москве в 1812 г. довольно обширна. Но в основном она посвящена московскому пожару, пребыванию наполеоновских войск и состоянию города после пожара. Этим же эпизодам уделено самое пристальное внимание и в многочисленных мемуарах участников и свидетелей тех далеких событий. Настоящее же сообщение является попыткой рассказать о восстановлении нормальной деятельности учреждений в разрушенном неприятелем городе. Попутно придется касаться событий не только 1812, но и 1813 гг.

Как известно, эвакуация московских учреждений и казенного имущества происходила в сжатые сроки. Главнокомандующий Москвы граф Ф. В. Ростопчин до последних дней надеялся, что столица не разделит участи Смоленска. Однако предусмотрительный губернатор еще в середине августа распорядился об эвакуации трех главнейших московских архивов — Коллегии иностранных дел, Вотчинного департамента и Государственного старых дел. В 20-х числах того же месяца из города были вывезены сначала сокровища Оружейной палаты, а затем архивные материалы. Все остальные губернские и городские присутственные места работали до последних дней августа. Так, Московское губернское правление в своем заседании 27 августа рассмотрело 34 дела, 28-го — 19, а 29-го — 25 дел. Продолжали действовать и другие учреждения.

31 августа Ростопчин отдал распоряжение об эвакуации. Вместе с другим имуществом вывозилась денежная казна, но в казначейских кладовых осталась медная монета, принадлежавшая Ассигнационному банку, на сумму свыше 300 тыс. рублей, а также запасы гербовой бумаги стоимостью почти в 1,5 млн. рублей. Из-за отсутствия времени и подвод не были эвакуированы документы губернского архива, не удалось вывезти и документы по уголовным делам, направленные Ростопчину судебной палатой для утверждения приговоров.

1 сентября в 12 часов пополудни московский обер-полицмейстер П. А. Ивашкин получил от Ф. В. Ростопчина приказание быть готовым выступить по первому требованию. На следующий день рано утром возле обер-полицмейстерского дома у Красных ворот собрались чины московской полиции и пожарные. Но, как выяснилось впоследствии, к месту сбора явились далеко не все. Накануне этих событий пожарная команда города, согласно распоряжению Ростопчина, запретившего 31 августа продажу вина, была снаряжена на Винный двор и в питейную контору для уничтожения запасов вина. Это мероприятие привело к тому, что к моменту выступления из города некоторые пожарные были, по словам Ивашкина, "бесчувственно пьяны" и остались в Москве, другие же из-за обширности территории города не успели присоединиться к командеⁱ. В 5-м часу утраⁱⁱ те, кто пришел к месту сбора, захватив пожарные трубы и огнегасительные инструменты, а также запасное сукно для обмундирования нижних чинов, выступили по тракту, ведущему во Владимир.

До 20-х чисел сентября чиновники оставались во Владимире, а потом были переведены в Нижний Новгород, куда и пришло сообщение об оставлении Москвы неприятелем. Уже 16 октября в столицу возвратился обер-полицмейстер Ивашкин, позже, в конце октября, — гражданский губернатор Н. В. Обрезков. К этому времени в город еще не вернулись городской голова А.А. Куманин и гласные думы. В связи с необходимостью решения массы неотложных вопросов Обрезков предписал исполнять обязанности городского головы находящемуся в столице городскому старосте купцу Шелапутину. Постепенно, в течение ноября 1812-января 1813 гг. в столицу возвратились чиновники всех присутственных мест. Первой возобновила свою деятельность московская полиция. Среди документов архива сохранились книга для записи содержащихся при Яузской части колодников и журнал входящих бумаг этой же части за 1812 годⁱⁱⁱ. Первого арестанта доставили в часть 22 октября, а 26 октября приставу поступил приказ обер-полицмейстера об оставшихся в домах мертвых телах. 22 ноября П. А. Ивашкин отдал распоряжение о сборе сведений о всех лицах, выехавших из Москвы вместе с наполеоновскими войсками, и об оставшемся после них имуществе. В архиве сохранились также материалы за 1812 г. 3-го полицейского отделения^{iv}, в состав которого входили 5 частей — Рогожская, Таганская, Пятницкая, Якиманская и Серпуховская. Приставы всех вышеназванных частей, кроме Рогожской, отрапортовали полицмейстеру 3-го отделения полковнику Брокеру, что в их частях «передавшихся неприятелю людей» не оказалось. Да и в Рогожской части обнаружили только одного изменника — фабричного Павла Екимова. Зато во всех частях обнаружили бесхозное имущество, награбленное неприятелем, который не успел

его вывезти. Необходимо было собрать это имущество и составить его опись. Кроме того, в задачу полиции входила ежедневная раздача (согласно Высочайшего манифеста от 11 ноября) пособия жителям, не имевшим пропитания. Такова была деятельность московской полиции на первых порах.

Препятствием к открытию других учреждений служило отсутствие помещений в Москве. Из 9000 домов в столице уцелело лишь 2600. От взрыва Арсенала пострадало здание губернского дома у Воскресенских ворот, в котором до пожара помещались многие учреждения. Для размещения их предлагалось отвести обывательские дома в разных частях Москвы: в Тверской части расположились приказ общественного призрения, надворный, совестный, уездный, земский суды, городской магистрат; палата гражданского суда — в Арбатской части в доме купца Усачева; городская Дума вместе с домом градского общества — в Мясницкой части. Московской управе благочиния по распоряжению Ростопчина, были отведены Никольские казармы, а 1-й департамент палаты уголовного суда отправили в г. Коломну. Разместившись на новом месте, присутственные места начали свою деятельность. 14 декабря объявила о своем открытии казенная палата, 17 декабря — губернское правление и управа благочиния. Очевидно, самой последней приступила к занятиям Комиссия, учрежденная для продажи казенного имущества, которая лишь 2 апреля 1813 г. сообщила Ф. В. Ростопчину о возобновлении своей деятельности в доме казенной палаты.

Первое, что было предписано вновь открытым учреждениям, — это сбор сведений о наличии и утрате документов и денежной казны^v. Каждое присутствие должно было представить ведомость о пропавших делах и денежных суммах. Ответ почти всех учреждений сводился к следующему: нерешенные и неисполненные дела были вывезены из города в Муром, Владимир или Нижний Новгород, а остальные оставались частью в губернском архиве, а частью у столоначальников. Эти документы были или расхищены, или разбросаны и требовали разборки. Единственным учреждением, вывезшим все свое делопроизводство, был Комитет по постройке казарм в Москве. Возможно, данное обстоятельство объяснялось наличием у Комитета небольшого количества дел. В помещениях губернского архива, находившегося в здании присутственных мест, от взрыва Арсенала начался пожар. Сгорели все документы, находившиеся на среднем этаже. Погибли также материалы Виленского и Гродненского губернских правлений, эвакуированных с началом военных действий в Москву. Хранившиеся в верхнем этаже дела московских военных и гражданских губернаторов, губернских прокуроров «остались не сожженными, но все разбиты и разбросаны по полу в совершенном беспорядке и все ли в целости неизвестно, и шкафы, в коих те дела лежали, истреблены, в окна рамы испорчены и в них стекла все разбиты»^{vi} — такую картину разгрома нарисовал архивариус М. Шмит в декабре 1812 г.

Что касается денежной казны, то она частично была увезена, частью передана на хранение в казначейство. После освобождения города в казначейских кладовых обнаружили лишь часть медной монеты, оставшейся на хранении. Ф. В. Ростопчин в письме на имя министра финансов Д. А. Гурьева высказал предположение, что утрата этих денег произошла до вступления Наполеона в Москву. Проведенное расследование подтвердило данную версию, не найдя в сгоревших кладовых медных слитков. Выяснилось, что медная монета была расхищена крестьянами и развезена по соседним деревням.

В это же время обнаружили и другую пропажу — более 250 тыс. листов гербовой, вексельной, паспортной бумаги на сумму около 1,5 млн. рублей. Из-за ее отсутствия Казенная палата для совершения крепостных актов вынуждена была продавать простую бумагу, надписывая на ней цену. Спустя некоторое время история с гербовой бумагой неожиданно получила дальнейшее развитие. 3 января 1813 г. входившему в здание казенной палаты вице-губернатору А. Арсеньеву цеховой Николай Поляков передал 974 листа бумаги на сумму 1942 рубля, найденную им в доме князя Трубецкого, где он квартировал. Дворовый Алексей Ушаков сохранил от расхищения еще 1900 листов. Начатое следствие выяснило, что в Городской части в лавке мещанина Семенова свободно торгуют похищенной гербовой бумагой. Пристав П. И. Вороненко отыскал лавку Семенова и, переодевшись простым покупателем, приобрел более тысячи листов за 235 рублей. Обер-полицмейстер Ивашкин представил похвальный поступок пристава на усмотрение начальства и просил возместить его расходы: деньги, затраченные на покупку бумаги и на проведение расследования. Наградили Вороненко или нет, неизвестно, но расходы Ростопчин приказал отнести на счет Семенова^{vii}.

С размещением учреждений по домам обывателей квартирный вопрос не получил окончательного разрешения. Многие чиновники вследствие пожара лишились своих домов и

крайне нуждались в квартирах. 19 декабря Ростопчин предписал управе благочиния отводить чиновникам обывательские квартиры с числом комнат, соответствующим их чину. При этом в расчет принимались только состоявшие в штате учреждений, те же, кто только числился на службе или состоял сверх штата, не имели права на квартиру и должны были нанимать дома на собственный счет. Между тем выяснилось, что почти все чиновники имеют обер-офицерские чины, т. е. им полагалось от 5 покоев и выше. Таких домов в Москве осталось очень мало, и даже после снижения требований к числу комнат до 2,5 на одного чиновника с семейством, квартир все равно не хватало. Многие господские дома стояли без стекол, печей, отсутствие самих хозяев лишало полицию возможности определять в них на постой. Тогда надзиратель над строениями и квартирами Старов предложил распределять квартиры среди чиновников не по чинам, а по должностям. Канцелярским служителям — от повытчика до копииста — предлагалось довольствоваться квартирами наравне с нижними чинами: двое холостых на один покой, женатым с семейством отводилась также одна комната, при этом трое детей считались за одного человека^{viii}.

Такое обострение жилищного вопроса в городе тяжким бременем легло на обывателей, которые и так были доведены до разорения. Особенно страдали бедные семейства. В связи с этим было предложено до 700 человек приказнослужителей перевести в отремонтированные Екатерининские казармы, что позволило бы освободить от постоя до 200 бедных домов. Нижних чинов и канцелярских служителей размещали в зависимости от наличия ранее своего собственного дома: обывательские квартиры отводились им только в том случае, если до пожара они имели собственные дома. Всех остальных размещали в казармах.

Такое решение вопроса все равно полностью не удовлетворяло потребности в жилье. В число уцелевших после пожара 2600 домов входили церковнослужительские, не имевшие, как правило, более 1 или 1,5 покоев; казенные; дома, занимаемые самими хозяевами, находившимися на службе, а также здания неотстроенные, без стекол и печей. Таких домов набиралось около 1200, а чиновников разных присутственных мест, вместе с полицией, насчитывалось более 1250 семейств, не считая пожарных команд, ночных сторожей и других нижних чинов всех 20 частей. По этой причине было решено кроме домов в городе задействовать ближайšie к столице селения. Так, земский суд предполагалось разместить по дачам, а удельную контору — в селе Коломенском. Чиновникам и мастеровым синодальной типографии отводились монастырские подворья. После ремонта Спасских, а затем и Покровских казарм уж в 1813 г. в них также стали размещать чиновников. При этом не обходилось и без накладок. Так, начальнику 111 округа путей сообщения инженер-полковнику Вельяшеву была отведена прежняя квартира в Спасских казармах. Прибыв на место, он увидел, что свободны только 3 комнаты, а оставшиеся две вместе с кухней и чуланом заняли рядовые артиллерийского ведомства. Вельяшев с 11-ю обер-офицерами и 4-мя курьерами расположился в этих 3-х комнатах. При этом ему ежедневно приходилось спрашивать у других постояльцев разрешения готовить на кухне.

По мере восстановления жилого фонда в городе все московские учреждения переселились в казенные здания. С 1 ноября 1813 г. чиновникам было отказано в найме обывательских квартир за казенный счет. Одним назначались квартирные деньги, другим предоставили нанимать квартиры из производимого содержания. Екатерининские, Спасские, Покровские казармы стали использоваться по своему прямому назначению. Постепенно жизнь в столице налаживалась. Москва отстраивалась, принимая все более привлекательный вид. К 1820 г. восстановление города почти завершилось. Были созданы нормальные условия для деятельности московских учреждений и жизни населения столицы.

Примечания

ⁱ ЦИАМ. Ф.46, оп.8, д.373.

ⁱⁱ Там же, д.392.

ⁱⁱⁱ ЦИАМ. Ф.1273, оп.1, дц.12, 10.

^{iv} ЦИАМ. Ф.46, оп.8, д.366.

^v Там же, оп.6, д.732.

^{vi} Там же.

^{vii} ЦИАМ. Ф. 16, оп.6, д.32.

^{viii} Там же, оп.3, д.2861.